

«ВЗРОСЛОЕ» ДЕТСТВО ИМПЕРАТОРА НЕРОНА (СТРУКТУРА ЭГО-ИДЕНТИЧНОСТИ БУДУЩЕГО ТИРАНА)

Анализируются детские годы императора Нерона. Для верификации выдвинутой гипотезы используется технология междисциплинарного синтеза, основанная на взаимодополняемости концепций психологического знания, имеющих общий фокус бессознательного.

Ключевые слова: детство; Нерон; самоидентификация.

Оценивая исторические личности, мы делаем выводы о его характере и поведении, исходя из современных общепринятых морально-этических норм, присваиваем ему какие-то ярлыки, порой не обращая внимания на то, что являлось нормой в ту историческую эпоху, к которой относился наш герой. Примером этого может служить отношение к Нерону.

В истории Рима немало знаковых имен – Юлий Цезарь, Октавиан Август, Калигула, Нерон и т.д. Все эти фигуры весьма противоречивы, но наибольшее число споров, наверное, связано с фигурой императора Нерона. Именно Нерон «из всех римских императоров... наиболее часто оказывается предметом ученых дискуссий и объектом для изображения у литераторов» [1. С. 372]. Многие авторы, как античные, так и современные, дают негативные оценки его личности и правления. Вот лишь одна из них: «Он совсем не заботился об управлении государством, ...вел себя так, будто весь мир существует для его личного удовлетворения. Жизнь его до краев была наполнена разгулом и разнузданной жестокостью» [2. С. 140]. Такого мнения придерживаются многие историки, но мы постараемся пойти другим путем и разобраться в причинах, по которым Нерон вошел в историю лишь как одиозная фигура и один из самых жестоких и развратных императоров. В современной исследовательской литературе, посвященной императору Нерону, практически не учитываются такие важные историко-психологические параметры его деятельности, как социальная психология общества и связанная с ним структура его идентичности. Исследователи нередко демонизируют личность Нерона, упуская из виду то, что многие черты властителя являлись продуктом породившего его времени.

В данной статье сделана попытка показать, что жестокость и развратность императора, равно как и другие его асоциальные черты, являлись производными от структуры и динамики его Эго-идентичности, имевшей культурно-историческую обусловленность. «Слабость» Нерона – это слабость наработанного историко-психологического и историко-культурного капитала цивилизации. Сразу стоит оговориться, что охватить весь объем вопросов, связанных с деформацией идентичности, не удастся в связи с невозможностью проанализировать все, что написано о Нероне. Реконструкция картины становления и деформации личности принцепса может быть воспроизведена на основе технологии междисциплинарного синтеза, разработанной в рамках томской методолого-историографической школы [3]. Этот метод основывается на современных взаимодополняемых концепциях социогуманитарного знания, исследующих бессознательное (теория установки Д.Н. Узнадзе, теория идентичности Э. Эриксона,

теория невротической личности К. Хорни, теория авторитарной личности Э. Фромма, и др.), и дает возможность разобраться в глубинных причинах означенной деформации. Каждая из этих теорий обладает ограниченными возможностями реконструкции, а их комплексное использование позволяет наиболее полно понять то или иное явление. Современные исследователи, такие как В.С. Дуров, М. Грант не придают особого значения детским годам Нерона, они описывают их лишь в повествовательном плане. Современное психологическое знание позволяет использовать связанный с детством багаж информации для системного анализа истоков формирования Эго-идентичности личности Нерона [4, 5]. Как раз в детстве и были заложены те ценностные ориентиры и некоторые негативные предрасположенности, которые его прославили.

Единственный сын Агриппины, дочери великого Германика, которому суждено было стать знаменитым императором, Нерон родился 15 декабря 37 г. Его родители были людьми своего рода выдающимися. Отец – Гней Домиций Агенобарб «был личностью отвратительной, наделенной одними лишь пороками и абсолютно лишенный добродетелей» [6. С. 45]. Он был замечен в кровосмесительной связи со своей сестрой Лепидой. Воры, насильники, взяточники – это лишь некоторые достоинства, которыми славился род Домициев. От своих предков Гней унаследовал медную бороду, язык из железа и сердце из свинца. Светоний рисует портрет, в котором прослеживаются черты, в последующем ярко проявившиеся в его сыне: «Он однажды убил своего вольноотпущенника за то, что тот не хотел пить, сколько ему велели, ...в одном селенье по Аппиевой дороге он с разгону задавил мальчика, нарочно подхлестнув лошадей, а в Риме, на самом форуме, выбил глаз одному всаднику за его слишком резкую брань» [7. С. 197]. Кроме этого, отец будущего императора славился и тем, что не платил посредникам за вещи, приобретенные на аукционах, бесцеремонно присваивал награды, завоеванные другими людьми на скачках. Помимо этого, он был обвинен в оскорблении величества и заключен под стражу. Однако после смерти императора Тиберия Гней неожиданно оказался на свободе. Через некоторое время он покинул Рим и скрывался в своем поместье на берегу Тирренского моря. На известие о рождении единственного сына Гней отреагировал весьма своеобразно, сказав: «От меня и Агриппины не может родиться ничто, кроме мерзости и всеобщей пагубы» [6. С. 47].

По старинному римскому обычаю на девятый день после рождения мать должна была положить ребенка на землю у ног отца, который брал малыша на руки, тем самым официально признавая его своим. После

совершения этого ритуала ребенку давали имя и он становился полноправным членом семьи. В тот день, когда Нерону следовало пройти этот обряд, его отец так и не появился. Поскольку Гней отсутствовал, этот ритуал выполнил брат Агриппины – Калигула. Своего сына Агриппина назвала Луцием Домицием Агенбарбом. Очевидно, что и в воспитании сына Гней не принимал никакого участия, а через три года после его рождения он умер.

Для нас наибольший интерес представляет фигура матери Нерона – Агриппины. Вскоре после рождения сына в январе 40 г. она вместе со своей сестрой была обвинена в заговоре против императора и приговорена к ссылке на остров Пандатерии. Надеяться на скорую смерть брата – императора Калигулы было глупо, он был молод и полон сил. Сестер ожидало медленное угасание вдали от Рима. Корабли к этому острову подходили крайне редко, поэтому новости из Рима и Неаполя сестры получали лишь несколько раз в год, когда на остров доставлялось продовольствие и жалование для небольшого гарнизона. Находясь на острове, Агриппина овдовела, но видимо это не было для нее тяжелой утратой, поскольку еще до ссылки она чувствовала себя свободной. Однако судьба оказалась на стороне Агриппины. Император Калигула был убит несколькими заговорщиками из числа военных.

Новым императором был провозглашен Клавдий – дядя Агриппины и Юлии. Весной 41 г. они вернулись в Рим вместе с толпой амнистированных. К дочерям своего брата Клавдий отнесся весьма благосклонно. Двери императорского дома были для них открыты и очень скоро сестры восстановили положение членов императорской семьи. Агриппине нужно было устраивать свою жизнь, поскольку без поддержки мужа надеяться на хорошую и обеспеченную жизнь было невозможно. Дочь Германика начала активные поиски нового супруга. Им оказался Пассиен Крисп, принадлежавший к интеллектуальной элите Рима и прославившийся как выдающийся оратор. Немаловажное значение имело и огромное состояние Криспа. Брак с этим человеком был выгоден Агриппине во всех отношениях, поскольку он стал надежной ее защитой еще и от происков жены Клавдия – Мессалины. После замужества пришло время посвятить себя воспитанию сына.

В двухлетнем возрасте Нерон оказался лишен материнской заботы. Первые и самые важные годы в становлении личности ребенка были проведены им в разлуке с матерью, что влекло за собой отсутствие базального доверия к миру и психологической уверенности в себе [4, 7]. По словам К. Хорни, суть всех неврозов заключается в деформации характера, берущих свое начало в детстве. На примере маленького Луция это отчетливо видно, с раннего детства он мог ощущать лишь собственную слабость и беспомощность, что впоследствии привело к закреплению и актуализации черт садистско-мазахистского (авторитарного), в терминологии Э. Фромма, типа личности как способа ухода от базальной тревожности. После ссылки Агриппины Нерон был отдан на воспитание тетке по отцовской линии Домиции Липиде. Его первыми наставниками стали танцовщик и брадобрей – греки по происхождению, которые ничему, кроме языка, мальчика научить не

могли. Несомненно, что определенную долю любви и заботы малыш получал от тетки, но это никак не могло заменить ему материнскую нежность.

Когда будущему императору шел четвертый год, из ссылки вернулась его мать, однако эмоциональная связь между ними не была восстановлена. Во многом это было связано с самой структурой социально-психологической идентичности времени и системой воспитания детей [8]. Как правило, в знатных семьях для новорожденных брали кормилиц, тем самым лишая мать и ребенка тонкой эмоциональной зависимости друг от друга. По мере взросления к детям приставляли воспитателей, которые обращались с ними, как с маленькими взрослыми. Такой тип воспитания был связан с самой психоэмоциональной структурой личности. Психоэмоциональная незрелость не давала возможности любить кого-то «глубоко», дарить нежность другому человеку. Для Античности весьма показательны два примера: Медея, убившая своих сыновей из-за предательства их отца, и Эней, несущий на плечах своего отца Анхиза. С одной стороны, это два совершенно разных и взаимоисключающих примера – мать, убившая детей, и сын, несущий отца на руках. Но с другой стороны, оба эти примера демонстрируют отсутствие эмоциональной связи между родителями и детьми. Как справедливо отмечает П. Киньяр, груз на плечах Энея – это не проявление сыновей любви, это лишь долг по отношению младшего к старшему. Отсюда и традиции сурового воспитания, когда родители не выказывали чувств к своим чадам [9. С. 13].

Нерон был обязан получить хорошее воспитание, поскольку он считался одним из последних прямых потомков Августа Германика и со временем мог претендовать на императорский трон. Первым серьезным выступлением Луция стали Троянские игры. К. Тацит пишет: «Это были своеобразные испытания в ловкости и умении управлять лошадьми, к которым допускались сыновья сенаторов и всадников. Мальчики и юноши верхом на лошадях и в соответствующем одеянии, вооруженные каждый копьем, луком и стрелами, на глазах многочисленных зрителей выполняли на арене определенные упражнения и согласованные маневры» [10. С. 75]. Луцию на момент этих игр было девять лет, но своим ростом и силой он превосходил сверстников. Троянские игры завершились для него полным успехом, аплодисменты всех зрителей принадлежали только ему. Однако, по мнению Тацита, «расположение народа к нему проистекало из еще не заглушенного воспоминания о Германике, чьим последним потомком мужского пола он был, и подкреплялось, кроме того, сочувствием к его матери Агриппине вследствие преследований со стороны Мессалины, которая была всегда к ней враждебна, а в то время более, чем когда-либо...» [11. С. 184]. Подобные симпатии римского народа весьма не понравились императрице Мессалине, поскольку ее сын Британик не вызвал такого восторга у зрителей. Опасаясь за будущее наследника, Мессалина пригласила наемных убийц, чтобы избавиться от возможного претендента на императорский трон, но попытка потерпела поражение. Агриппина приставила к сыну штат охранников и распространила слух о том, что Луций был спасен от смерти благодаря

божественному вмешательству (якобы, поднимаясь над подушкой, спящего ребенка защищала змея, которая и напугала убийц). Как писал Тацит, сам Нерон «отнодье не склонный себя умалять, говорил, что в его спальном покое была обнаружена... змея» [11. С. 184].

Успешное участие в этих играх можно трактовать как прохождение важного лиминарного порога [12]. В своей книге «Лес символов. Аспекты ритуала ндембу» Тернер уделяет внимание рассмотрению обрядов перехода с разработанными лиминарными периодами. Лиминарность – это пограничный период, который он анализировал как межструктурную ситуацию. Это некая трансформация, некое символическое поведение, означающее отделение индивида или группы от ранее фиксированной точки в социальной структуре или как набора культурных условий (состояний). Самое важное в лиминарном периоде – внутренние, а не внешние изменения в человеке, проходящем обряд перехода. На языке теории Э. Эриксона этот период может быть определен как своеобразный кризис идентичности – расставание с детством и обретение юношества. В контексте информации, полученной из источника (К. Тацит), и означенной психологической концепции можно предположить, что переход из детства в юношество прошел у юного Нерона успешно, что должно было способствовать укреплению в структуре его личности позитивной идентичности.

Эта структура, как известно, во многом зависит от социализации в рамках семьи и связанных с ней малых групп. И в этом смысле судьба оказалась благосклонна к Агриппине вновь. Благодаря падению и гибели Мессалины, она оказалась одной из главных претенденток на освободившееся место императрицы. Вольноотпущенники Клавдия, заправлявшие делами во дворце, хорошо знали своего господина и его привычку подчиняться жене, поэтому постарались как можно скорее найти новую кандидатуру на это место. Претенденток было трое, но Агриппина одержала победу, несмотря на то, что являлась племянницей императора, а кровосмесительные браки в Риме не приветствовались. Сама же Агриппина пользовалась большой популярностью у народа, войск, сената. Благодаря Криспу она была весьма образована, а будучи племянницей Клавдия, имела свободный доступ в императорские покои, чем она и воспользовалась. Одобрению этого союза поспособствовал сенатор Луций Вителлий, призвавший сенат голосовать за кандидатуру Агриппины, поскольку она «...превосходит всех остальных славою своего рода; она показала, что способна рожать детей, и что ей присущи добрые качества» [11. С. 198]. Брак Агриппины и Клавдия был решен. Тацит писал: «Этот брак принцепса явился причиной решительных перемен в государстве: всем стала заправлять женщина, которая вершила делами Римской державы, отнюдь не побуждаемая разнузданным своеволием как Мессалина; она держала узду крепко натянутой, как если бы та находилась в мужской руке. На людях она высказывала суровость и еще чаще – высокомерие; а в домашней жизни не допускала ни малейшего отступления от старого семейного уклада, если это не способствовало укреплению ее власти» [11. С. 199].

Будучи весьма умной и предусмотрительной женщиной, Агриппина понимала, что недостаточно просто

завладеть властью, необходимо уметь ее удержать. Одной из главных задач Агриппины было упрочить положение своего сына. Ей удалось добиться уравнивать в правах Луция и Британика. 25 февраля 50 г. Клавдий усыновил Луция Домиция, который вступил в императорскую семью с новым именем – Нерон Клавдий Цезарь, Друз, Германик. Императрица расправилась и со всеми возможными соперницами. Стоило Клавдию сказать, как хороша та или иная особа, Агриппина уничтожала ее если не в физическом, то в моральном плане. Она вступила в сексуальную связь с вольноотпущенником Паллантом, который стал ревностным защитником ее интересов. Э. Радзинский в цикле передач, посвященных Нерону, сказал, что Агриппина обладала умом министра и телом куртизанки, которым она прекрасно расплачивалась. И с этим утверждением нельзя не согласиться. Она была весьма тонким политиком. Вступая в сексуальную связь с министром финансов императора Клавдия, она преследовала четкие политические цели укрепления своей власти, возможности влиять на принятие тех или иных политических решений. Так, «Клавдий по настоянию Палланта ускориł усыновление Домиция» [11. С. 205]. Она добилась для себя титула Августы, получив тем самым право сидеть рядом с императором при исполнении им государственных обязанностей. Агриппина стала первой женщиной, возведенной этим титулом при жизни мужа (до нее этого титула удостоились лишь Ливия и Антония, но после того, как овдовели).

Агриппина не забывала и о карьере сына: достигнув 14-летия, он получил право облачаться в мужскую тогу (обычно это происходило по достижению юношей 16 лет). Луций был назван главой римской молодежи и назначен консулом с вступлением в должность в 20 лет. До этого возраста ему была предоставлена проконсульская власть, которую он имел право осуществлять за пределами Рима. От его имени народу и солдатам раздавались денежные премии и продовольствие. В его честь было устроено цирковое представление, на котором Нерон был в одеянии триумфатора, а Британик – в детской тоге. Это было первым сигналом к тому, какая участь уготована сводным братьям. Для себя Агриппина вытребовала почесть – подниматься к святыням Капитолия в конном экипаже (подобная честь предоставлялась исключительно жрецам и статуям богов). Она вмешивалась в государственные дела, присутствовала на частных совещаниях императора и высказывала свое мнение по важным государственным вопросам. Она принимала послов-чужестранцев, представительства из провинций. Агриппина прибрала к своим рукам преторианскую гвардию, что сделало ее положение еще более неуязвимым. Но ни на минуту она не забывала о Британике. Клавдий дал ей полную свободу действий, и Агриппина быстро избавилась от неугодных воспитателей пасынка. «Клавдий обречает на изгнание или смерть всех наиболее честных и неподкупных воспитателей сына и попечение о нем отдает в руки назначенных мачехой» [11. С. 213]. Его окружали люди, преданные императрице и доносившие ей о каждом его шаге и слове.

Воспитанием Нерона по-прежнему занимались педагоги-греки. Мать и выбранные ею учителя видели в

Луции будущего полководца, продолжателя рода великого Германика, поэтому воспитывали в нем твердость и суровость. Качества, востребованные культурой политической элиты римского общества, вряд ли могли стать органичной частью личности будущего императора. Как известно, внутренние природные предрасположенности определяют пластику усвоения тех или иных ценностных ориентиров. Нерон же, по словам К. Тацита, «...с раннего детства устремил живость своей души на другое: занимался чеканной работой, рисованием, пением, учился править лошады на ристалище...» [11. С. 225]. Его излюбленными занятиями были посещение театра и цирковых представлений. Его восхищали скачки, но наставники стыдили его за низменные увлечения. Агриппину не волновало то, чем увлечен ее ребенок. Перед ней стояла лишь одна цель – сделать его римским императором, что в будущем послужило бы гарантом ее власти и удовлетворения собственных политических амбиций. Уже приведенная информация вкупе с имеющимся психологическим знанием дает основания предположить наличие в идентичности молодого Нерона негативных идентификаций, отягощавших и без того базисно невротную структуру его психики. Для формирования позитивной идентичности необходимо иметь твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру. На данном этапе становления личности будущего принцепса формирования позитивной идентичности быть не могло, поскольку идентификации Нерона приходили в противоречие с представлениями о нем у матери и окружающих его воспитателей, а опосредованно – и у более широкого окружения.

Наибольшее влияние на становление личности будущего императора оказал Сенека, его главный наставник, воспитатель, советник. М. Грант пишет: «Сенека был одним из самых экстраординарных людей своего времени... он был безмерно моден среди молодежи, которая обожала его риторические фейерверки и резкую, беспокойную, отточенную манерность, которая сделала его стиль воплощением латинского серебряного века» [13. С. 21–22]. При императоре Калигуле он был ведущим оратором в Сенате, а при Клавдии был сослан на Корсику, откуда писал льстивые письма. Однако при всей гениальности в творчестве была и другая сторона его личности. В.С. Дуров пишет: «Лицемерие и бесстыдство этого человека поразительны. На словах он осуждал богатство, но, разбогатев адвокатурой, продолжал наращивать состояние ростовщичеством. Он восхвалял умеренность, но себя лично ограничил лишь в том, что изгнал со своего всегда обильного стола устрицы и грибы. Он твердил, что хочет навсегда сразить роскошь, а свелось все к тому, что отказался всего-то от благовоний для тела. Он учил воздержанию, но в то же время посещал самых испорченных и мерзких проституток, ублажавших пьяных матросов и гладиаторов. Как все представители римской аристократии, он не брезговал мальчиками, и здесь искал самых гнусных и развратных. Он не уставал прославлять чистоту нравов, а жил при этом, как гнусный развратник» [10. С. 104]. Однако не будем спешить с категоричной оценкой этой глубоко сложной и противоречи-

вой личности. Вряд ли стоит говорить о пороках Сенеки как признаке нравственно извращенной натуры. Нам ближе иной ракурс интерпретации его «девиаций». На наш взгляд, именно близость архаического наследия определила резкое столкновение связанных с ним и глубоко укорененных ценностных установок с вновь обретенным культурным знанием.

Он ненавидел императора Клавдия, благодаря которому оказался в ссылке, но писал ему льстивые стихи, прославлявшие его успехи в Британии. Сенека обращался ко всем с подобными посланиями, чтобы только вернуться в Рим. Но все было безрезультатно, пока о нем не вспомнила Агриппина. В 49 г. он возвращается в Рим и становится наставником будущего императора. Агриппина добивается для него должности претора на 50-й год и вводит его в императорский совет. Выбор Сенеки в качестве наставника Нерона был обусловлен несколькими факторами. Во-первых, философ был личностью яркой и одаренной, он имел громкую литературную славу. Во-вторых, Агриппина надеялась, что Сенека ненавидит Клавдия, но к ней будет питать безграничную преданность, как к спасительнице. «Она поступила так и ради того, чтобы отроческие годы Домиция протекли под руководством столь выдающегося наставника и чтобы она с сыном, осуществляя ее мечту о самовластном владычестве, могла пользоваться его советами...» – читаем у Тацита [11. С. 199].

Воспитательные методы Сенеки были весьма своеобразны. Он заставлял юношу читать и изучать только собственные произведения. Он написал для будущего императора целый трактат «О милосердии», в котором давал советы по управлению государством. (В этом произведении обрисовывалась некая идеальная картина отношений между *pater familias* и подданными. Наделенный властью должен быть заботливым, снисходительным по отношению к подчиненным, подавать им пример собственным поведением. Другая идея этого трактата – служение на благо империи всех граждан и в первую очередь императора.) Занятия музыкой, поэзией и всеми изящными искусствами Сенека осуждал, считая их паразитическими и ненужными, служащими только для роскоши. Подобное отношение у наставника Нерона было и к геометрии, математике, астрономии, поскольку они не способны научить человека добродетели, ради которой он призывает отказаться от материальных благ и богатства, презреть страх смерти и не бояться страданий, а искать внутреннее равновесие. Все, к чему стремился и чем увлекался Нерон, презиралось и резко осуждалось наставником. Единственной отдушиной для него стали занятия спортом, которые могли послужить некой тренировкой для будущих военных успехов.

Агриппина полагала, что Сенека должен был быть предельно строг со своим учеником. Она и сама была «с ним неизменно сурова и непреклонна: она желала доставить сыну верховную власть, но терпеть его владычество она не могла» [11. С. 221]. Уже повзрослевшему юноше она жестко диктовала свою волю. Ещё раз акцентируем – поведение матери не могло не способствовать закреплению ригидной структуры авторитарного характера юноши, он привык подчиняться материнским требованиям. Изнанкой этого внешне пассивного

поведения было неосознанное стремление избавиться от тяготившей его материнской власти, которое в будущем выльется в гротескно-уродливой форме убийства матери. Сенека в своем обучении делал ставку на философию, но Агриппина не поддерживала этого и требовала от наставника интенсивных занятий риторикой, искусством письма и публичной речи, историей, литературой, древними обычаями, т.е. всем тем, что необходимо для правителя.

В возрасте 16 лет Нерона женили на дочери Клавдия Октавии. После этого события сомнений в том, что Нерон – наследник императорского трона не было. Однако этот брак не был удачен. Нерона совсем не интересовала юная жена. Удовлетворение своих физиологических потребностей он находил на стороне, не исключено, что в этом ему помогал Сенека.

Агриппина делала все возможное, чтобы ее сын стал настоящим правителем, поэтому, почувствовав угрозу своим планам, она идет на убийство Клавдия. Причиной тому был советник Клавдия Нарцисс, возглавлявший надежды на Британика как на будущего императора. Нарцисс подозревал Агриппину «в злонамеренных умыслах, сказал однажды, как сообщают в тесном кругу друзей, что он обречен на верную гибель, достанется ли верховная власть Британику или Нерону; однако он стольким обязан Цезарю, что ради его пользы готов пожертвовать жизнью. Он, Нарцисс, изобличил Мессалину и Силия; если власть попадет в руки Нерона, то и тот будет располагать ... основаниями для его осуждения; но зато если наследником будет признан Британик, это избавит принцепса от опасности; а бесстрастно наблюдать козни мачехи, столь пагубные для всей семьи Цезаря, он счел бы для себя еще большим позором, чем если бы умолчал о распутстве его предыдущей жены...» [11. С. 222].

Агриппина решила отравить мужа. За ядом она обратилась к известной тогда колдунье Локусте. Это был особый яд, действующий и незамедлительно и не слишком быстро. Важно было, чтобы «Клавдий на пороге смерти не понял, что он жертва коварства, и не возвратил своей любви к сыну» [11. С. 222]. Предоставим слово Тациту: «И вот в полдень, в третий день до октябрьских ид, внезапно широко распахиваются двери дворца и к когорте, по заведенному в войске порядку охранявшей его, выходит сопровождаемый Буром, Нерон. Встреченного по указанию префекта приветственными

кликами, его поднимают на носилках. Говорят, что некоторые воины заколебались, озираясь по сторонам, они спрашивали, где же Британик, но т.к. никто не призывал их к возмущению, им только и оставалось покориться. Принесенный в преторианский лагерь, Нерон, произнеся подобающую обстоятельствам речь и пообещав воинам столь же щедрые, как его отец денежные подарки, провозглашается императором. За решением войска последовали указы сената, никаких волнений не было и в провинциях. Клавдию определяют почести, воздаваемые богам, и похороны его обставляются с такой же торжественностью, с какой был похоронен Август... завещание его, однако, оглашено не было» [11. С. 223]. 13 октября 54 г. Нерон был провозглашен повелителем империи с населением в 17 миллионов человек. Согласимся с В.С. Дуровым: «Возведение Нерона на политический трон – это политический шедевр Агриппины» [10. С. 125].

На данном этапе исследования мы можем выдвинуть гипотезу о том, что поведение императора Нерона было вполне прогнозируемым и ожидаемым. Он пришел к власти в период кризиса ценностных установок римского общества, когда шла девальвация старых наработанных ценностей, а новые были слабо укреплены и не являлись общепризнанными и всеми принимаемыми [14]. Этот кризис повлек за собой психосоциальную трансформацию всего римского нобилитета. В эту эпоху всеобщего кризиса у власти оказался человек с большим грузом собственных негативных predispositions. У шестнадцатилетнего юноши отсутствовало базальное доверие к миру. Акцентуации негативной составляющей его идентичности способствовало то, что в глазах матери и наставников все его увлечения были пустым местом, и чтобы угодить окружающим, Нерону приходилось лицемерить и заниматься тем, что выбрала для него мать. Его никогда не спрашивали, что он любит и чем он хочет заниматься. Его судьба была предрешена с самого рождения. Выгодный ранний брак с девушкой, которая вызывала у него отвращение, тоже сыграл не последнюю роль в становлении личности Нерона. Постоянное давление матери и Сенеки привели к формированию садистско-мазахистского типа личности, которая проявляется «с одной стороны, в стремлении к подчинению, а с другой – к желанию избавиться от того, кому подчиняешься» [6]. На трон вззошел невротик, которому предстояло управлять огромной державой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кифер О. Сексуальная жизнь в Древнем Риме. М., 2003.
2. Федорова Е.В. Императорский Рим в лицах. Ростов н/Д, 1998.
3. Николаева И.Ю. Проблемы методологического синтеза и верификации в истории в современных концепциях бессознательного. Томск, 2005.
4. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. СПб., 2002.
5. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
6. Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей. М., 1988.
7. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1995.
8. Де Моз Ллойд. Психонистория. Ростов н/Д, 2000.
9. Киньяр П. Секс и страх. М., 2000.
10. Дуров В.С. Нерон, или Актер на троне. СПб., 1994.
11. Публий Корнелий Тацит. Анналы. Сочинения в двух томах. Л., 1969. Т. 1.
12. Тернер В. Символ и ритуал. М., 1983.
13. Грант М. Нерон. Владыка земного ада. М., 2003.
14. Зорина Н.С. Деформация гендерного кода поведения элиты в контексте кризиса позднеримского общества // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 2007.

Статья представлена научной редакцией «История» 1 декабря 2008 г.